

I. Антизападные идеологические течения в постсоветской России и их истоки (7)

Штефан Видеркер

Восприятие трудов Л.Н. Гумилева в позднесоветский и постсоветский периоды: интеллигенция России в поисках ориентиров*

С конца восьмидесятых годов исторические произведения Льва Николаевича Гумилева и его в высшей степени умозрительная теория этногенеза пользовались в России чрезвычайной популярностью, выходящей далеко за пределы профессиональных кругов. Его работы неоднократно выходили большими тиражами и появлялись в пиратских изданиях¹. Созданные им термины, такие как «суперэтнос», вошли в политический язык постсоветской России. Тезисы Гумилева играют важную роль в давней дискуссии интеллигенции об идентичности России и отношении к Западу – вновь разгоревшейся, когда во время «перестройки» перестала быть всеобщей и обязательной идеология марксизма-ленинизма.

Высказываются не только откровенные поклонники Гумилева, но и его ожесточенные критики, причем обе группы в подавляющем своем большинстве принадлежат к кругам антилиберальных и антизападных противников трансформации, в то время как либеральная и прозападная часть интеллигенции относится к Гумилеву довольно равнодушно.

Воздействие, оказываемое трудами Гумилева на интеллектуалов, не приемлющих трансформации, нуждается в объяснении. Оно основывается на том – таков

* Ранее опубликовано на немецком языке: Wiederkehr S. Die Rezeption des Werkes von L.N. Gumilev seit der späten Sowjetzeit: Russlands Intelligencija auf der Suche nach Orientierung // Sprünge, Brüche, Brücken: Debatten zur politischen Kultur in Russland aus der Perspektive der Geschichtswissenschaft, Kulturosoziologie und Politikwissenschaft. Beiträge einer internationalen und interdisziplinären Tagung / Ed. M. Ritter, B. Wattendorf. Berlin, 2002. P. 51-66. Упомянутая в примечании 10 диссертация была издана позднее: idem. Die eurasische Bewegung: Wissenschaft und Politik in der russischen Emigration der Zwischenkriegszeit und im postsowjetischen Russland. Köln, 2007.

¹ Naarden B. «I am a genius, but no more than that»: Lev Gumilëv (1912–1992), Ethnogenesis, the Russian Past and World History // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1996. Vol. 44. № 1. P. 54-82, здесь p. 54. С 1994 г. в московском издательстве «Ди-Дик» выходит также критическое собрание сочинений Гумилева под редакцией А.И. Курчки; издательский план предусматривает выпуск 15 томов, из них к 2002 г. появилось лишь несколько.

мой тезис, – что Гумилев предлагает историко-философскую альтернативу концепции универсального линейного прогресса, в рамках которой, по меньшей мере с эпохи Просвещения, Запад выступал для остального мира примером для подражания². После распада советской системы эта западная претензия на обладание истиной в последней инстанции ощущается в России и других постсоциалистических государствах как тяжкое бремя во многих отношениях. Во-первых, в идеологическом плане – в форме различных теорий трансформации, восходящих к теории модернизации и провозглашающих общество западного типа моделью развития для прочих. Во-вторых, в плане реальной политики – в форме критериев, согласно которым рейтинговые агентства измеряют движение постсоциалистических государств к демократии и рыночной экономике, а также в форме условий, от выполнения которых западные правительства и международные организации делают зависимыми рассмотрение заявок на членство, предоставление кредитов и другие необходимые для экономик этих государств мероприятия³. Теория Гумилева предоставляет идеологические аргументы против просветительской модели прогресса и легитимирует, помимо того, усилия по политической и экономической реинтеграции территории Советского Союза после распада последнего на отдельные государства.

Согласно моему тезису, позитивное восприятие трудов Гумилева является индикатором неприятия в России западной общественной модели. Кроме того, оно показывает, в сколь малой степени постсоветское общество освоилось и примирилось с исчезновением имперского государства, в котором русские играли доминирующую роль.

«Последний евразиец»

Лев Николаевич Гумилев (1912–1992) обладал в позднесоветском обществе высоким престижем уже в силу своего происхождения⁴. Его родителями были поэт

² Wolff L. *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of Enlightenment*. Stanford, 1994. Об ограниченном наборе исторических метафор и их историко-философских импликациях ср.: Demandt A. *Metaphern für die Geschichte: Sprachbilder und Gleichnisse im historisch-politischen Denken*. München, 1978.

³ Ср.: von Beyme K. *Systemwechsel in Osteuropa*. Frankfurt a. M., 1994. P. 355-360; Höhmann H.-H. Vorwort // *Der Osten Europas im Prozess der Differenzierung: Fortschritte und Misserfolge der Transformation* / Ed. Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien. München, 1997. P. 13-15; Götz R. *Theorien der ökonomischen Transformation* // *Osteuropa*. 1998. Vol. 48. № 4. P. 339-354; Merkel W. *Systemtransformation: Eine Einführung in die Theorie und Empirie der Transformationsforschung*. Opladen, 1999. P. 15. Обзор русских откликов дает Христиане Улиг: Uhlig Ch. «Russland ist mit dem Verstand nicht zu begreifen»: Die Modernisierungsdebatte in den russischen Geistes- und Sozialwissenschaften // *Identitäten: Erinnerung, Geschichte, Identität 3* / Ed. A. Assmann, H. Friese. Frankfurt a. M., 1998. P. 374-400.

⁴ Биографию см.: Лавров С.Б. *Лев Гумилев: Судьба и идеи*. М., 2000; Naarden. «I am a genius...». P. 54-60.

Николай Гумилев, казненный в 1921 году за контрреволюционную деятельность, и поэтесса Анна Ахматова. Последняя, несмотря на гонения и притеснения, сумела пережить эпоху Сталина. Их сын Лев в тридцатые-пятидесятые годы несколько раз исключался из университета и подвергался арестам. В целом более десяти лет своей жизни он провел в лагерях.

Несмотря на это Гумилеву удалось в 1961 г. защитить диссертацию по истории древних тюрков и стать доктором исторических наук. В начале шестидесятых годов он занимал прочное место на географическом факультете Ленинградского университета. Хотя публикация работ Гумилева в Советском Союзе постоянно наталкивалась на препятствия, список его опубликованных трудов к началу перестройки включал около 70 позиций, в том числе несколько монографий⁵. С одной стороны, это были фактографические работы по древней истории степных народов, с другой стороны – предварительные исследования по теме его главного труда *Этногенез и биосфера Земли*, в котором Гумилев сформулировал и обосновал свою вызвавшую ожесточенные споры теорию этногенеза. Попытка получить за эту работу степень доктора географических наук не увенчалась успехом, более того – ее не удавалось опубликовать вплоть до перестройки. Однако Гумилев депонировал ее в 1979 г. во Всесоюзном институте научной и технической информации (ВИНИТИ), где интересующиеся могли ее читать и копировать. Этой возможностью воспользовались, как считается, тысячи людей⁶. Не подлежит сомнению, что благодаря этому гумилевская теория этногенеза уже в конце семидесятых годов пользовалась известностью, обсуждалась и оспаривалась в легальной советской публицистике, а также была восторженно воспринята национально ориентированными авторами русского самиздата⁷.

«Полудиссидентское положение»⁸ Гумилева немало способствовало огромной популярности его теории в позднесоветской и постсоветской России. Он еще более усилил этот эффект, когда во второй половине восьмидесятых годов назвал себя «последним евразийцем»⁹, обозначив свое место в традиции русского евразийства. Имелось в виду идеологическое течение, возникшее в антибольшевистских эмигрантских кругах. Бывшее до «перестройки» табуированной темой, оно в ту пору переживало в России подлинный ренессанс¹⁰.

⁵ Библиографию см.: Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 550-554.

⁶ Naarden. «I am a genius ...». P. 71-72; Kochanek H. Die russisch-nationale Rechte von 1968 bis zum Ende der Sowjetunion: Eine Diskursanalyse. Stuttgart, 1999. P. 188.

⁷ Там же. P. 199-205, 222-232.

⁸ Laruelle M. Lev Nikolaevič Gumilev (1912–1992): Biologisme et eurasisme dans la pensée russe // Revue des Etudes Slaves. 2000. Vol. 72. № 1-2. P. 163-189, здесь p. 166.

⁹ Например: [Гумилев Л.Н.] «Меня называют евразийцем ...»: Интервью Андрея Писарева с Л.Н. Гумилевым // Наш современник. 1991. № 1. С. 132-141; [он же] «... Если Россия будет спасена, то только через евразийство»: Интервью с Л.Н. Гумилевым // Начала. 1992. № 4(6). С. 4-16, здесь с. 6.

¹⁰ Désert M., Paillard D. Les eurasiens revisités // Revue des Etudes Slaves. 1994. Vol. 66. № 1. P. 73-86; Hielscher K. Geschichtsmythen der russischen «Neuen Rechten»: Der Eurasismus // Osteuropa im Umbruch: Alte und neue Mythen / Ed. C. Friedrich, B. Menzel. Frankfurt a. M., 1994. P. 91-105;

Основной тезис евразийцев гласил: территория бывшей Российской империи образует особый континент – «Евразию»¹¹. Этот континент, существование которого, по их мнению, можно обосновать географически, занимает особое место между Азией и Европой¹². В рамках научнообразного дискурса *ad hoc*, используя подходящие аргументы из этнографии, лингвистики, истории, экономики и других дисциплин, евразийцы обосновывали и легитимировали сохранение имперского государства на территории бывшей Российской империи – несмотря на захват власти большевиками, к которым они относились враждебно. В своих сочинениях, однако, они пошли дальше, чем требовала непосредственная политическая мотивация. Цель доказать научными методами существование неделимой евразийской общности заставляла евразийцев теоретически осмысливать критерии формирования различных общностей. Это в конечном счете привело их к тому, что они во всех научных дисциплинах стали ставить принцип исторически обусловленного сходства выше принципа родства, основанного на общем происхождении. Евразийская общность, согласно евразийцам, основывалась не на модели генетического родства, а на том, что в результате длительного соприкосновения неизбежно происходило уподобление, и постоянные, на протяжении столетий, контакты приводили к конвергентному развитию¹³.

Евразийцы исходили из факта мощного воздействия географических условий на социально-экономическое и культурное развитие. В проницаемости степей они видели объединяющий фактор. Мобильность степных кочевников определяла как готовность последних к широким культурным контактам, так и связанную с этим конвергенцию Евразии. Превратив монгольское владычество из катастрофического «ига» в важное позитивное событие, евразийцы совершили прорыв, разрушив давнее научное табу. В их глазах совершенное монголами первое объединение Евразии в единое государство было определяющим для истории России-Евразии. Это объединение, по их мнению, предотвратило установление над Русью иностранного западного господства и ее вестернизацию, а также положило начало симбиозу славян и «туранцев», ставшему специфической чертой Евразии.

Fischer J. *Eurasismus: Eine Option russischer Außenpolitik?* Berlin, 1998. Ренессанс евразийства является предметом моей диссертации, посвященной сравнительному исследованию различных версий сегодняшнего евразийства на фоне евразийского движения межвоенного времени.

¹¹ В дальнейшем я использую термин «Евразия» и производные от него без кавычек в значении третьего континента между Европой и Азией, существование которого постулируется исследуемым движением.

¹² Обзор евразийской литературы см.: О Евразии и евразийцах: Библиографический указатель. Петрозаводск, 1997. Ср.: Böss O. *Die Lehre der Eurasier: Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts.* Wiesbaden, 1961; Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997; Laruelle M. *L'idéologie eurasiste russe ou comment penser l'empire.* P., 1999.

¹³ Данная модель до сих пор остается плодотворной, особенно в лингвистике, где выступает в форме теории языкового союза. В переходе от исторического языкознания XIX в. к современной структурной лингвистике ключевое место занимают евразийские труды Н.С. Трубецкого и Р. Якобсона. См.: Sériot P. *Structure et totalité: Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale.* P., 1999.

зии¹⁴. Из факта географического единства Евразии, который они считали не подлежащим сомнению, евразийцы делали вывод о культурно-исторической и социально-экономической общности и самостоятельности Евразии и в прошлом и в будущем. Таким образом они заложили псевдонаучный фундамент под отрицание западных форм государственного устройства, капитализма и латинского христианства. Несмотря на известную оригинальность построений евразийство вполне вписывалось в старую русскую антизападническую традицию.

Наряду с идеологической близостью Гумилева связывала с межвоенным евразийским движением также начавшаяся в 1956 г. многолетняя переписка и личное знакомство с одним из его основателей, П.Н. Савицким¹⁵.

Гумилевская теория этногенеза

Интерес Гумилева к ранней истории степных народов и их историческому взаимодействию с восточными славянами проявился еще до его контактов с Савицким. Принимая участие в археологических и геологических экспедициях тридцатых годов, а также пребывая в лагерях, он выработал собственные представления о влиянии географической среды на населяющие их народы. Позднее, благодаря восприятию евразийства, данные представления приобрели более ясные контуры. Это коснулось и позитивной оценки Гумилевым монгольского владычества¹⁶.

По степени радикальности своего (псевдо)естественнонаучного подхода Гумилев, по собственному справедливому утверждению, в середине шестидесятых годов оставил позади географический детерминизм евразийцев¹⁷. По его мнению, этногенез и ход истории зависели не только от географических факторов, но также от биохимических процессов в земной атмосфере и законов термодинамики. В своем главном труде *Этногенез и биосфера Земли* и предшествовавших ему исследованиях Гумилев, чтобы сделать убедительными свои в высшей степени умозрительные теории, приводил примеры из различных периодов всемирной истории и затрагивал разнообразные регионы Земли. Чтобы подкрепить свои претензии на научность, он ввел в оборот десятки новых терминов. Так возникла

¹⁴ Cp.: Halperin Ch. J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1985. Vol. 36. P. 55-194.

¹⁵ Выдержки из этой переписки см.: Гумилев. Ритмы Евразии. С. 201-234. Кроме того, Гумилев переписывался с Г.В. Вернадским (Лавров. Лев Гумилев. С. 100 и сл.), который после участия в евразийском движении стал одним из ведущих в США историков-специалистов по России. См.: Halperin. Russia.

¹⁶ В особенности см.: Гумилев Л.Н. Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. М., 1994; он же. От Руси к России. М., 1997.

¹⁷ [Гумилев] «... Если Россия будет спасена». С. 6.

сложнейшая теоретическая конструкция, которую никто не способен воспринять и перепроверить во всех ее деталях¹⁸.

Если свести всё к наиболее общему знаменателю, то Гумилев утверждал следующее. Энергетические импульсы из земной атмосферы ведут к генетическим мутациям и, как следствие, к повышенной культурной активности отдельных индивидов, к так называемой «пассионарности». Если энергетический импульс является достаточно сильным, а число пассионариев в популяции достаточно велико, возникает новый этнос со специфическими генетически обусловленными особенностями поведения. Группа этносов, затронутых одним и тем же энергетическим импульсом, образует суперэтнос. Такой суперэтнос проходит жизненный цикл, включающий подъем, время расцвета, фазу инертности и упадок. Такой цикл в целом длится от двенадцати до пятнадцати столетий. Взаимоотношения различных этносов внутри суперэтноса можно описать, опираясь на принцип «комплиментарности»: они дополняют друг друга и вместе заполняют все экологические ниши, предоставляемые им их жизненным пространством. Различные суперэтносы образуют, согласно Гумилеву, отделенные одна от другой замкнутые системы. Экзогамии между суперэтнoсами и внутри таких общностей следует избегать, поскольку она ведет к генетическому вырождению, нежизнеспособности и преждевременному упадку возникшего в ее результате смешанного народа¹⁹.

Для критической оценки гумилевской теории этногенеза существенны следующие аспекты. Во-первых, утверждение об этнических поведенческих стереотипах и объяснение их генетическими мутациями делает Гумилева представителем биологически обусловленного расизма. Эта оценка становится тем более весомой, если принять во внимание, что свое требование эндогамии он обосновывает тем, что этнос может пройти свой полный жизненный цикл только при сохранении в чистоте всей совокупности своих наследственных признаков²⁰. Во-вторых, предположение о закономерном и неизменном протекании этногенеза от зарождения до упадка этноса в течение 1200–1500 лет представляет собой форму историцизма – в том смысле, какой вкладывал в этот термин Карл Поппер²¹. Гумилев фактически заявляет о возможности познать научными методами не только прошлое, но и будущий ход истории. Такое знание предполагает действия в духе представлений о неотвратимости исторического развития и узаконивает элиминирование препятствующих факторов, так называемых «антисистем»²².

¹⁸ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1997. Глоссарий (с. 605-611) включает в себя определения более 120 понятий.

¹⁹ Об исходящем отсюда антисемитизме Гумилева см.: Paradowski R. Idea Rosji-Eurazji i naukowy nacjonalizm Lwa Gumilowa: Próba rekonstrukcji ideologii eurazjatyizmu. Warszawa, 1996. P. 176-181.

²⁰ Гумилев. Этногенез и биосфера Земли. С. 116, 380 и сл.

²¹ Popper K. R. Das Elend des Historizismus. Tübingen, 1965.

²² Ср.: Paradowski. Idea Rosji-Eurazji. P. 136-144; idem. The Eurasian Idea and Leo Gumilëv's Scientific Ideology // Canadian Slavonic Papers. 1999. Vol. 41. № 1. P. 19-32.

Из теории суперэтнотосов вытекают в итоге две вещи. При ее конкретном применении Гумилев утверждает, что существуют российско-евразийский и европейский суперэтнотосы, которые находятся в различных фазах своих жизненных циклов. Таким образом изоляция Евразии по отношению к внешнему миру, антизападничество, получает мнимое обоснование на основе законов природы.

«Механический перенос в условия России западноевропейских традиций поведения дал мало хорошего, и это неудивительно. Ведь российский суперэтнотос возник на 500 лет позже. (...) Поскольку мы на 500 лет моложе, то, как бы мы ни изучали европейский опыт, мы не сможем сейчас добиться благосостояния и нравов, характерных для Европы²³». Противовесом внешнему отграничению служит внутренняя интеграция. Гумилев энергично высказывается против распада Советского Союза на несколько государств.

Как государственное строительство, так и духовная культура евразийских народов давно слита в «радужную сеть» единой суперэтнической целостности. Следовательно, любой территориальный вопрос может быть решен только на фундаменте евразийского единства²⁴.

Почитатели и критики

На позитивное восприятие теории Гумилева решающее воздействие оказывают три аспекта. Она легитимирует реставрацию единого государства на территории бывшей Российской империи и Советского Союза, она предоставляет аргументы для самоизоляции такого государства от Запада и, претендуя на выявление естественнонаучных закономерностей, удовлетворяет потребность в обретении ориентиров в период социальной неуверенности и идеологической шаткости. Поэтому Гумилев пользуется признанием и вызывает восхищение прежде всего у интеллектуалов, выступающих против трансформации.

Типичным примером является ученик и биограф Гумилева Сергей Лавров, заведующий кафедрой экономической и социальной географии Санкт-Петербургского университета, президент Российского географического общества, в 1989–1991 гг. заместитель председателя Комиссии Верховного Совета СССР по национальной политике и межнациональным отношениям. Он подчеркивает функцию евразийства и теории Гумилева как интеграционной идеологии для постсоветского пространства.

²³ Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 1997. С. 311-313. Данный тезис особенно основательно развит в: он же. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989; он же. От Руси к России. Ср.: Kochanek H. Die Ethnienlehre Lev N. Gumilevs. Zu den Anfängen neu-rechter Ideologie-Entwicklung im spätkommunistischen Russland // Osteuropa. 1998. Vol. 48. № 11-12. P. 1184-1197, здесь p. 1188.

²⁴ Гумилев Л.Н. Заметки последнего евразийца. Предисловие к сочинениям кн. Н.С. Трубецкого // он же. Ритмы Евразии. С. 33-66, здесь с. 65.

Говорил Л.Н. о необходимости сохранить *все постсоветское пространство*, ибо здесь «народы связаны друг с другом достаточным числом черт внутреннего духовного родства, существенным психологическим сходством и часто возникающей взаимной симпатией (комплиментарностью)»²⁵.

В другом месте Лавров, ссылаясь на Гумилева и его якобы научную теорию, отрицает имперский характер Российской империи и Советского Союза²⁶. Одновременно он выступает против дезинтеграции этого пространства и обращения населяющих его народов в сторону соседних государств: «Принципиально важно, по-моему, всем нам, россиянам всех национальностей, понять, что не Запад и не Восток, а именно *Россия* как общее, собирательное суперэтническое, если хотите, понятие, является матерью и истинным домом населяющих ее народов»²⁷. «История древних тюрков имеет прямое отношение к острым национальным вопросам современной России и СНГ. (...) Только наука, подлинная наука может и должна (...) дать конструктивные решения подлинного развития тюркских народов России, отменяя всякого рода химеры об "едином тюркском языке", едином государстве и т.д.»²⁸

Огромной заслугой Гумилева Лавров считает возрождение евразийства, в котором видит спасительное учение, не имеющее альтернативы: «Колоссальной заслугой Л.Н. являются не только его труды, но и его *гигантская просветительская работа*, он "долбил" о евразийстве в каждом интервью 80-х гг.; "взрыв" издания о них – итог этой работы»²⁹. «*Безальтернативность евразийства для России* становится все более очевидной»³⁰. «В последних интервью [перед смертью Гумилева – Ш.В.] четко звучал *мотив евразийства*, более того – *спасительности евразийства для России* (...) События в мире во многом подтверждали *актуальность евразийства*»³¹.

В девяностые годы Гумилев обрел широкое признание в России и Казахстане именно как *ученый*. На конференциях, проводимых под патронатом почтенных институций, использовались, не всегда вполне сознательно, его концепты³², университет новой казахстанской столицы Астаны был назван именем Гумилева³³.

²⁵ Лавров. Лев Гумилев. С. 348.

²⁶ Там же. С. 352-355.

²⁷ Там же. С. 352.

²⁸ Там же. С. 191 и сл.

²⁹ Там же. С. 274.

³⁰ Там же. С. 350.

³¹ Там же. С. 348 и сл.

³² Евразия как полиэтническая система: Сборник статей и тезисов к Первой Московской научной конференции по теме: «Евразия как полиэтническая система». М., 1993; Евразийская перспектива: Второй международный конгресс «Культура и будущее России». М., 1994; Этнос, ландшафт, культура: Материалы конференции. Посвящается Льву Николаевичу Гумилеву. СПб, 1999; Идеи и реальность евразийства: Материалы Валихановских чтений «Исторические корни и перспективы евразийства как социокультурного и социополитического феномена». 11 декабря 1998 г., г. Астана. Алматы, 1999.

³³ Идеи и реальность евразийства. С. 1.

Один биолог сравнивал гумилевскую теорию этногенеза по значимости с теорией относительности Эйнштейна и поставил перед собой задачу «сделать некоторые шаги в сторону ее теоретического завершения» и дополнить аргументацию Гумилева «обращением к биологическим "аксиомам"»³⁴.

Хильдегард Коханек в своей аналитической работе о русском национальном дискурсе в СССР после 1968 г. отрицает научный характер теории Гумилева, довольно остро замечая при этом, что речь идет о «дилетантско-гениальном искусственном учении, о необозримом по охвату и сложности собрании умозрительных гипотез, сомнительных психологических построений и псевдонаучных тезисов»³⁵. Совершенно иначе выглядит, однако, необозримость этого выходящего за пределы отдельных дисциплин теоретического синтеза с точки зрения сторонника Гумилева:

«Выстроенная Гумилевым концепция развития человечества (...) дает возможность хоть в какой-то мере (...) дать объяснение в этом вавилонском столпотворении, каким является всемирная история. (...) Главная его заслуга, на мой взгляд, состоит в синтезе накопленных человеческих идей о самом себе с планетарной картиной мира, физика которая еще до конца непонятна. (...) Сложна для уяснения его теория и в наши дни. Объяснить это можно не тем, что она оторвана от реальности, а скорее столь многогранной широтой системы взглядов Гумилева, что обыденный человек просто не в состоянии целостно охватить всю совокупность закономерностей и явлений, которую сконцентрировал в себе этот ум»³⁶.

Непонятность и сложность становятся в данном случае признаком высокого качества теории Гумилева. Хотя автор приведенной выше цитаты не вполне понимает ее предпосылок и выводов, он подчеркивает смыслообразующую функцию гумилевской теории и выражает готовность подчиниться ее следствиям. Еще одна цитата из Лаврова может служить доказательством того, насколько велика в бывшем Советском Союзе потребность в ориентирах и систематизации переживаемых кризисных явлений в контексте всемирной истории:

«Мне вообще представляется, что в новых исторических условиях идеи евразийства, развитые Л.Н. Гумилевым, могут оказаться актуальнее, чем когда бы то ни было. На крутых поворотах истории (а мы сейчас переживаем такой) всегда встает вопрос: какой должна быть стратегическая линия, какие выбрать ориентиры, с кем быть? Давайте же прислушаемся, пусть и с опозданием, к голосу теперь уже покинувшего нас великого евразийца»³⁷.

³⁴ Маклаков К. Теория этногенеза с точки зрения биолога // Урал. 1996. № 10. С. 164-178, здесь с. 164.

³⁵ Kochanek. Die russisch-nationale Rechte. P. 189.

³⁶ Козыбаев М.К. Л.Н. Гумилев и проблема степной цивилизации / Идеи и реальность евразийства. С. 100-106, здесь с. 100 и сл.

³⁷ Лавров С.Б. Завещание великого евразийца / Гумилев Л.Н. От Руси к России. Очерк этнической истории. М., 1994. С. 301-312, здесь с. 312.

В работах социолога Ирины Орловой совершенно очевидна связь между апологией евразийства и отрицанием просветительской концепции линейного прогресса, на которой основаны притязания Запада на превосходство. Орлова написала в высшей степени благожелательное к Гумилеву послесловие к тому документу о проекте Евразийского Союза, пропагандируемого казахстанским президентом Назарбаевым³⁸. В заключении к своей монографии *Евразийская цивилизация: Социально-историческая ретроспектива и перспектива* она утверждает:

«Сегодня линейная схема с единой коммунистической перспективой заменяется другой – с перспективой построения во всем мире «универсальной цивилизации», при этом фактически за универсальную выдается цивилизация западная, с ее нормами, ценностями, с ее диктатом в экономике, политике. Рассматриваемая нами цивилизационная концепция исходит из принципа полицентризма. Она дистанцируется от широко распространенного мнения о том, (...) что все прежние культуры являются лишь ступенькой единой лестницы, вершина которой – западная (европейская или ее модификация – американская) цивилизация, и приближение к ней – задача всего человечества. (...) Вторая нить, пронизывающая всю работу, вторая задача – в рамках общей цивилизационной концепции показать особенность и своеобразие существующих параллельно с западной других цивилизаций и, в частности, Евразийской. Основой ее является Россия. (...) Русская земля в широком смысле слова всегда была средоточием многих этносов, населявших монолитный евразийский регион. (...) Вся история Евразии есть цепь попыток создания единого евразийского государства»³⁹.

Критика западной концепции линейного прогресса, однако, не приводит Орлову к тому, чтобы полностью отрицать всеобщие законы исторического развития. Совсем наоборот: «Мы подчеркиваем, что западная цивилизация – всего лишь одна из многих, параллельно существующих, и ей, как и всем остальным, свойственны все общие закономерности развития культурно-исторических систем, она подчиняется тем же общим естественным законам развития и ей не дарованы вечная жизнь и вечный прогресс»⁴⁰.

Согласно автору, разговоры об «общечеловеческой цивилизации» и «общечеловеческих ценностях» не имеют под собой социально-исторической основы. Эту точку зрения она обосновывает с помощью гумилевских концептов: «Для торжества "общечеловеческих ценностей" необходимо слияние всего человечества в единый *гиперэтнос*. (...) Пока существуют различные ландшафты Земли с разными природно-климатическими зонами, требующие специфических способов приспособления населения к своему "*месторазвитию*", – такое слияние ма-

³⁸ Орлова И.Б. Евразийство: История и практика / Назарбаев Н.А. Евразийский союз: Идеи, практика, перспективы 1994–1997. М., 1997. С. 454–476.

³⁹ Орлова И.Б. Евразийская цивилизация: Социально-историческая ретроспектива и перспективы. М., 1998. С. 118–120.

⁴⁰ Там же. С. 118

ловоятно и "торжество общечеловеческих ценностей" останется очередной утопией»⁴¹. (Курсив мой. – Ш.В.)

В конечном итоге гумилевская полицентрическая картина мира и представление о различных цивилизационных *циклах* – по мнению Гумилева, евразийский суперэтнос, в противоположность западноевропейскому, находится сейчас только в средней фазе своего развития – представляют собой новую версию идеи о «преимуществе отсталости», с помощью которой русские мыслители начиная с XVIII века пытались примириться с отставанием своей страны от Запада в сфере модернизации⁴².

К началу девяностых годов Гумилева и евразийство открыли для себя также русские праворадикалы и воинствующие противники политики Горбачева и Ельцина, группировавшиеся вокруг журнала *Наш современник* и газеты *День*. Они увидели в них средство, которое давало возможность обосновать необходимость сохранения Советского Союза, а после его распада – легитимировать его восстановление. В этих изданиях, наряду с благожелательными статьями о Гумилеве, стали также появляться его тексты и взятые у него интервью⁴³. После смерти Гумилева в 1992 г. *День* посвятил умершему все статьи регулярной рубрики «Евразия»⁴⁴.

В то же время в журнале *Молодая гвардия* и некоторых других выступавших против реформ изданиях стала появляться острая критика теории Гумилева. В частности, А. Кузьмин, еще в советские время принимавший участие в полемике с Гумилевым⁴⁵, обвинил Гумилева в русофобии за позитивную оценку монгольского владычества в России⁴⁶. Русский этнический национализм, с позиций которого Кузьмин атаковал Гумилева и евразийство, не представлял собой, разумеется, либеральной альтернативы:

«Сейчас, как никогда, народу нужно сказать правду. (...) К сожалению, обманывают и многие патриоты. Ясно, что когда рушится государство, спасти и восстановить его способны только истинные патриоты. А под флагом "патриотизма" нередко подбрасывается такая пища, которую не сможет переварить самый здо-

⁴¹ Там же. С. 109.

⁴² Hildermeier M. Das Privileg der Rückständigkeit: Anmerkungen zum Wandel einer Interpretationsfigur der neueren russischen Geschichte // Historische Zeitschrift. 1987. Vol. 244. P. 557-603.

⁴³ В том числе: [Гумилев] «Меня называют евразийцем ...»; Лев Николаевич Гумилев [Некролог] // Наш современник. 1992. № 7. С. 171; Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии // Наш современник. 1992. № 10. С. 3-7; [он же] В гостях у Льва Гумилева. Беседуют Г. Бондаренко, В. Ермолаев, К. Иванов // День. 1992. № 12(40). С. 6; Шафаревич И. Из рода геродотова. Памяти Льва Гумилева // День. 1992. № 25(53). С. 5; Бондаренко Г. Пассионарий. Перечитывая Льва Гумилева // День. 1992. № 52(80). С. 6.

⁴⁴ День. 1992. № 31(59). С. 4.

⁴⁵ Ср.: Kochanek. Die russisch-nationale Rechte. P. 255-258.

⁴⁶ Кузьмин А. Пропеллер пассионарности, или Теория приватизации истории // Молодая гвардия. 1991. № 9. С. 256-276, здесь с. 256. См. также: Русаков Ш. От русофобии к евразийству: Куда ведет гумилевщина? // Молодая гвардия. 1993. № 3. С. 127-143.

ровый желудок. (...) Поворот традиционно патриотического (и народно-социалистического) журнала «Наш современник» в это же русло усиливает и недоумение, и тревогу»⁴⁷.

В ходе братской распри между национал-патриотами другой автор, Ксения Мяло, в упоминавшемся уже *Нашем современнике*, заострила критику евразийства с точки зрения русского национализма до вопроса: «Есть ли в Евразии место для русских?»⁴⁸.

Дискуссия о Гумилеве и о евразийском учении в позднесоветской и постсоветской России отличается сильнейшей эмоциональностью. В ней не на жизнь, а на смерть сталкиваются различные идеологии, пускай со стороны разница между ними не столь уж очевидна. В притязаниях на обладание абсолютной истиной не только кроется причина того острого тона, с которым враждебные реформам интеллектуалы обрушиваются на своих оппонентов, но заключается их сходство между собой. Чего тут совершенно нет, так это метадискурса и саморефлексии, дискуссии о дискуссии. Вопросы о причинах популярности Гумилева, о функции его теории в постсоветском дискурсе об идентичности и о политических выводах из нее в России до сих пор почти не ставятся⁴⁹.

Заключение

Решающим для позитивного восприятия Гумилева в позднесоветской и постсоветской России является то, что его теория легитимирует антизападный особый путь России и территориальное восстановление Советского Союза, а также предлагает псевдонаучную аргументацию в отрицании демократии и рыночной экономики. Гумилев попытался поставить этнический национализм на естественнонаучную основу; он связал это с представлением, что различные общности в разное время проходят закономерный цикл развития от подъема до упадка, – и в конечном счете исходил из того, что Евразия (то есть территория Советского Союза или Российской империи до первой мировой войны) представляет такую общность. Результатом стала форма историцизма в том смысле, какой вкладывал в этот термин Поппер.

Опираясь на эту разновидность закрытой картины мира, Гумилев сформулировал историко-философскую альтернативу просветительской модели универсального линейного прогресса, которая видела в Западе образец развития, а прочий

⁴⁷ Кузьмин А. Россия в оккультной мгле, или Зачем «евразийцы» маскируются под русских патриотов // Молодая гвардия. 1993. № 2. С. 207-222, здесь с. 212.

⁴⁸ Мяло К. Есть ли в Евразии место для русских // Наш современник. 1992. № 9. С. 102-105.

⁴⁹ Примечательным исключением является работа: Шнирельман В.А., Панарин С.А. Лев Николаевич Гумилев: Основатель этнологии? // Вестник Евразии. 2000. № 3(10). С. 5-37. Также следует упомянуть опубликованную в России статью эмигранта Александра Янова: Янов А. Учение Льва Гумилева // Свободная мысль. 1992. № 17. С. 104-116.

мир рассматривала как отсталый. При всех различиях большая часть теорий трансформации последних десятилетий исходит именно из этих представлений. Еще более отчетливо это проявляется в политике западных держав и международных организаций по отношению к постсоциалистическим государствам. Вполне естественно, что тезисы Гумилева встретили горячее одобрение среди русских антилиберальных и антизападных противников реформ.

К тому же лагерю, что и главные почитатели Гумилева, принадлежат и его наиболее ожесточенные критики. Спор о Гумилеве, который ведут между собой так называемые национал-патриоты, связан в значительной степени с тем, что русское национальное сознание издавна раскачивается между точками «этнос» и «империя». Во всех своих различных версиях евразийство отводит неславянской России позитивно окрашенное место во внутренней группе – как посредством гумилевского концепта «комплиментарности», так и в иных формах. Поэтому евразийство становится мишенью для приверженцев узко понимаемого русского этнонационализма, хотя их картина мира, как и у евразийцев, является закрытой, антилиберальной и антизападной.

Сегодняшней русской дискуссии об идентичности категорически недостает саморефлексии. Не ставя под вопрос свои собственные действия, большая часть участников этой дискуссии ищет функциональную замену идеологии марксизма-ленинизма. Разыскивается некое универсальное объяснение мира, которое позволяет понять прошлое, помогает в более широком контексте позитивно истолковать современный кризис и, в конечном счете, претендует на познание научными методами будущего хода всемирной истории. Тезисы Гумилева являются одной из нескольких возможных интерпретаций, в рамках которых навыки мышления, свойственные закрытому обществу, могут транслироваться неизменными в своей основе.

Российская политическая жизнь в последние десятилетия в значительно большей степени отмечена прагматизмом, чем допускали идеологизированные оценки многих представителей интеллигенции и некоторых политиков⁵⁰. Тем не менее огромный интерес к тезисам Гумилева и антизападная по своей основе тональность сегодняшней дискуссии об идентичности представляют заметное препятствие на пути трансформации, если понимать под трансформацией уподобление политической системы, экономики и общества западным образцам. В отличие от переживающих трансформацию государств Центрально-Восточной Европы, в России прагматические шаги к достижению целей трансформации вступают в противоречие с ее самоопределением как не-западной страны, территория которой занимает пространство большее, чем область расселения русского этноса. В данной перспективе отдельные вполне инструментальные действия равно-

⁵⁰ Simon G. Auf der Suche nach der «Idee für Russland» // Osteuropa. 1997. Vol. 47. № 12. P. 1169-1190, здесь p. 1188.

значны отрицанию своей собственной, самостоятельно определенной идентичности.

Перевод с немецкого: Виталий Ковалев